

Запах Стамбула

A full-page photograph of a woman with long brown hair, seen from behind, wearing a vibrant red dress. She is walking along a narrow wooden pier or boardwalk that runs alongside a body of water. To her right, there are ornate, multi-story buildings with balconies, some of which are lit up with warm, yellow lights. To her left, the water is dark, and several boats are moored. In the background, the Hagia Sophia in Istanbul is visible, its large central dome and several tall, slender minarets illuminated against the twilight sky. The overall atmosphere is romantic and evocative, capturing the essence of the city's history and architecture.

Рита Марти

Рита Марти

Запах Стамбула

<https://litres.ru/74231618>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она вернулась. Но не сказала никому. Мехмет ждёт её в Кадыкее, Умут всё ещё надеется. И теперь у Лики есть две недели, чтобы понять: кто из них — её судьба?

«Запах Стамбула» — продолжение истории, где пять дней превращаются в две недели, а выбор становится неизбежным. Лика прилетает отмечать тридцатилетие в городе, который стал её домом. Но между ней и счастьем — прошлое, которое не отпускает, и двое мужчин, каждый из которых готов бороться за её сердце. Сможет ли она услышать голос города и сделать правильный шаг?

Рита Марти

Запах Стамбула

Запах Стамбула

Глава первая. Стамбул. Запах любви

Я влюблена в Стамбул. Обычно так говорят про мужчин. Но почему Стамбул не может быть мужчиной?

Он высокий, когда смотришь на минареты с набережной Галаты. Он капризный, когда с утра хмурится, пряча солнце за серые тучи. Он щедрый, когда на закате разливает по Босфору жидкое золото. И он умеет молчать так, что ты слышишь собственное сердце — вот так, как умеют только те, кто прошёл через века и не утратил способности слушать.

Я никогда не устану гулять по одним и тем же улицам. Смешиваться в толпе туристов в историческом центре, бродить и блуждать по новым неизведанным улочкам, которые открываются только тем, кто не боится потеряться. Этот город настолько многогранный, что иногда он похож на Лондон, когда дождь стучит по старым крышам; иногда — на Рим, когда солнце золотит античные камни; иногда — на Москву и Питер, когда в каждом закоулке чувствуешь историю, которая тяжелее, чем кажется.

Можно найти в нём любой город, если хочешь. Но когда

перестаёшь искать — находишь только Стамбул. И этого достаточно.

Да, там не всегда попадаются приветливые люди. Продавцы на рынках хотят побольше денег, музеи каждые полгода дорожают, а кофе в туристическом районе стоит как обед в ресторане. Но я вам скажу — там есть много бесплатных локаций, от которых вы будете в восторге. Там есть рассветы над Айя-Софией, за которые не берут плату. Есть запах свежего симита на углу, за который не нужно платить лишнего. Есть Босфор, который дышит ровно и одинаково — и для туриста, и для местного, и для влюблённой дуры, которая вернулась сюда с чемоданом надежд.

Есть люди, которые жаждут искренности и любви — как все обычные люди на земле.

Их двое. Тех, кто ждёт меня. Мехмет — добрый, тёплый, как свежесдобитый хлеб. И Умут — угрюмый, сломленный, но почему-то именно его имя переводится как «Надежда».

Они не знают, что я возвращаюсь. Я никому не сказала. Даже себе не признавалась до конца, пока не купила билет. Пять месяцев, три недели и два дня я жила в Москве, пыталась быть «нормальной» — ходила на свидания, улыбалась коллегам, переписывалась с Мехметом и игнорировала номер Умута, который лежал в моём телефоне как прочитанное сообщение. Я могла написать ему в любой момент. Могла ответить. Но каждый раз, когда открывала чат с его

визиткой, пальцы замирали. Что я скажу ему? «Привет, это та девушка, на которую ты наорал. Я простила. Но я не знаю, зачем ты мне»?

Я встречалась с молодым человеком в Москве. Хорошим, внимательным, правильным. Он приносил цветы, открывал двери, слушал. Он делал всё, что положено. Но каждый раз, когда он касался моей руки, я чувствовала... ничего. Пустоту. Безразличие, от которого хотелось плакать. А когда он говорил: «Я люблю тебя», я мысленно подсчитывала, сколько дней осталось до отпуска. До Стамбула.

Потому что Стамбул — единственный, кто не отпускал меня ни на минуту.

Он звонил мне по ночам — голосом Босфора, который я слышала сквозь закрытые окна московской квартиры. Он приходил во сне — запахом жасмина и мокрой брусчатки. Он пах так отчётливо, что я просыпалась с ощущением, будто всё ещё там, на набережной Эминёню, смотрю на проплывающие баржи и считаю огоньки.

В Москве было много всего. Но не было запаха. Того самого — сложного, терпкого, который не выветривается из лёгких.

Запах Стамбула.

Я не сказала Мехмету, что лечу. Он каждый день писал мне — присылал фото нового кафе, которое открыл на азиатской стороне, рассказывал о посетителях, о погоде, о том, что оранжевый шлем всё ещё лежит на полке за стойкой.

«Жду, когда ты наденешь его снова», — писал он. Я смайлила в ответ. И чувствовала, как внутри что-то щиплет — одновременно сладко и виновато.

Я не сказала Умуту. У меня был его номер — визитка с телефоном всё ещё лежала в кошельке, рядом с засушенным лепестком. Но я так и не набрала. Почему? Боялась. Боялась, что услышу его голос и всё пойму. Что он перестанет быть «тем парнем из метро» и станет кем-то настоящим. Тем, кого нужно либо принять, либо отпустить навсегда. И пока я молчала, он оставался призраком — безопасным, далёким, не требующим решений.

Теперь я лечу к обоим. Без предупреждения. Без плана. Без ответов.

Только с чемоданом, где на самом дне лежат два предмета: засушенный лепесток в прозрачном конверте и книга стихов Орхана Вели с надписью на форзаце: «Я пришёл в этот мир только для того, чтобы увидеть тебя».

Самолёт набирает высоту. Москва остаётся где-то внизу — серая, мокрая, ненужная. А я смотрю в иллюминатор и улыбаюсь. Через три часа я увижу Босфор. Через три часа меня встретит запах — тот самый, который я искала все эти месяцы, но так и не нашла ни в одном другом городе.

Голос Стамбула — он же не молчит даже в небе — шепчет где-то на границе сна и яви:

— Ты вернулась. Я знал. Я всегда знал, что ты не сможешь жить без меня. Но готовься, девочка. В этот раз всё будет

сложнее. Потому что ты приехала не за красивыми картинками. Ты приехала за правдой. И я тебе её дам — всю, без прикрас, без сладкой лжи. Сначала тебе станет больно. А потом — будет по-настоящему.

Я не боюсь. Я влюблена в Стамбул.

А любовь — это всегда риск. Всегда выбор. Всегда шаг в пустоту, где может быть либо счастье, либо падение. Но я уже падала. И знаю, как падать. Теперь хочу научиться взлетать.

Вместе с ним.

Стамбул ждал меня. Не в аэропорту, не в отеле — он ждал меня в воздухе, в том самом солёном ветре, который ударил в лицо, как только я вышла из здания прилёта. Я глубоко вдохнула — и чуть не задохнулась от счастья.

Запах.

Он был повсюду: в мокром асфальте после утреннего дождя, в горячих каштанах, которые продавали у выхода, в жасмине, который рос за забором, в кофе, который кто-то пил на соседней скамейке.

Запах Стамбула.

Я нашла его. Или он нашёл меня.

— Такси, мадам? — раздался голос.

Я посмотрела на водителя, на его уставшее лицо, на грязный жилет, и вдруг поняла: в этом городе всё может быть некрасиво, неидеально, неудобно. Но он всё равно остаётся самым прекрасным местом на земле. Потому что здесь я чувствую себя живой.

— Нет, спасибо, — ответила я. — Я хочу пройтись.

И пошла. Пешком. Вдоль моря, вдоль машин, вдоль своей собственной судьбы, которая, кажется, наконец перестала прятаться за поворотом.

Я не знала, с кого начну — с Мехмета или с Умута. Я не знала, что скажу им. Я не знала, останутся ли они в моей жизни после этого дня или растворятся в воздухе, как дым от симита.

Но я знала одно: я здесь. Я сделала шаг. И теперь Стамбул должен был решить, что делать дальше.

А он — как всегда — молчал. Или просто ждал, когда я перестану бояться и начну слушать.

Голос Стамбула зазвучал, когда я уже почти дошла до Султанахмета:

— Запах не обманывает. Он говорит правду. Ты чувствуешь его — значит, ты на месте. Теперь осталось сделать главное — поверить.

Я остановилась у входа в метро. Того самого. Где два че-

ловека перевернули мою жизнь за пять дней.

И сделала глубокий вдох.

Запах Стамбула пах солью, кофе и моей собственной надеждой.

Глава 2. Нишанташи. Первая встреча

Тридцать лет.

В этом возрасте одни уже точно знают, чего хотят. Другие — как раз перестают притворяться, что знают. Я, кажется, отношусь ко вторым. Но есть одна вещь, в которой я никогда не сомневалась — я хочу встретить свой юбилей в Стамбуле. Не в ресторане с видом на Москву-реку, не в загородном отеле с бассейном. Здесь. Среди этих камней, этих запахов, этого бесконечного шума, который убаюкивает лучше любой колыбельной.

Две недели. Целых две недели, которые я подарила себе. Никаких "завтра на работу", никаких "нужно успеть". Только я и город. И, возможно, ответы на вопросы, которые я так боялась задавать.

Отель я выбрала тот же, что и в прошлый раз, в Султанахмете. Знакомый район, знакомый скрип лифта, знакомый администратор. Азамат — узбек с идеальным русским — узнал меня сразу, расплылся в улыбке и даже не спросил документы:

— Лика! С возвращением! Опять на пять дней?

— На четырнадцать, Азамат. Я отмечаю день рождения.

— О! — Он поднял брови и театрально развёл руками.

— Тогда я вам организую лучший номер. С видом на море. Бесплатно. Считайте это подарком.

Я засмеялась. Приятно, когда тебя помнят. Приятно, когда ждут. Но я знала, что есть двое, которые ждут больше остальных. И им я пока не скажу ни слова. Сначала мне нужно побыть одной. Понять, что я чувствую на самом деле — без их голосов, без их глаз, без их надежд, которые смотрят на меня с каждой фотографией в телефоне.

Я избегала района, где находилось кафе родителей Мехмета. Сознательно. В первый день я хотела гулять сама — без скутера, без экскурсий, без добрых глаз, от которых становится слишком тепло и слишком страшно одновременно.

Айя-София стала моим первым маршрутом.

Честно говоря, в прошлый раз я была в ней мельком, между делом, зажата туристическими группами. Сегодня я пришла одна, в будний день, когда толпа поредела и осталась только тишина. И я поняла — я ничего о ней не знала.

Огромный купол, парящий в воздухе, как будто его держит невидимая рука. Мраморные колонны, привезённые из древних храмов — из Египта, из Греции, из Рима. Каждый камень здесь был чьим-то домом, чьей-то молитвой, чьей-то жизнью. И всё это собралось в одном месте, чтобы стать чем-то большим. Христианский собор, потом мечеть, потом музей — она прожила столько жизней, сколько не снилось

ни одному человеку.

Я стояла под куполом, запрокинув голову, и чувствовала, как в груди разрастается что-то тёплое. Странное чувство — быть частью истории, которая тебя не знает, но принимает. Как будто я пришла домой, в дом, который никогда не видела.

Голос Стамбула шепнул где-то в вышине, среди мозаик с архангелами и огромных круглых медальонов с арабской вязью:

— Ты ищешь знаки. Ты всегда их искала. Но здесь знаки не нужны — просто верь.

Я не поверила. Но запомнила.

Потом был Топкапы. Я никогда не смотрела "Великолепный век" — как-то не сложилось. Но теперь, стоя на мраморных плитах гарема, глядя на изразцовые стены и фонтаны, я поняла, что обязательно посмотрю. Как только вернусь в Москву. Или даже здесь, по вечерам в отеле. Потому что этот дворец пах тайнами. Столько женщин прошло по этим коридорам — с надеждой, с болью, с любовью. И каждая из них была по-своему права. Хюррем, о которой мы говорили с Мехметом, была не злодейкой — она была женщиной, которая выжила. Я поняла это, когда стояла у окна, откуда султанши смотрели на Босфор. Они тоже ждали. Не султана — своей судьбы.

К вечеру я устала. Не от прогулок — от мыслей. И решила сделать то, что не планировала, но что тянуло как магнит:

поехать в Нишанташи.

Район, где находился офис Умута.

Я не знала, зачем еду. Может быть, чтобы просто увидеть здание. Может быть, чтобы почувствовать, что он здесь, где-то рядом, но я всё ещё могу уйти незамеченной. Я не была готова встретиться с ним. Но тело двигалось само — как будто знало то, что голова отрицала.

Нишанташи встретил меня вечерней прохладой и запахом, который невозможно спутать ни с чем. Вязкий, сладковатый аромат дорогого парфюма, смешанный с запахом свежесваренного кофе из уличных кафе, горячего круассана из пекарни на углу и мокрого асфальта, который поливают из шлангов продавцы бутиков. Здесь пахло успехом. Деньгами. Красивой жизнью, которую кто-то проживает вместо тебя.

Я шла медленно, рассматривая витрины, в которых мерцали шелка и бриллианты. И вдруг — в толпе мелькнуло лицо. Знакомое. То самое, с экрана, которое я видела сто раз в сериалах.

Берен Саат.

Я остановилась. Сердце пропустило удар. Она была здесь — без охраны, в лёгком платье, с сумкой через плечо, просто шла по улице, как обычный человек. Я не удержалась, подошла — на ломаном турецком, запинаясь и краснея, как школьница.

— Мерхаба... я вас обожаю. Вы... вы лучшая.

Она улыбнулась — той тёплой улыбкой, которую я видела

только на экране. Ответила что-то по-турецки, поблагодарила, пожелала хорошего вечера. Мы даже сделали селфи — она сама предложила. Я была на седьмом небе. Шла, не глядя по сторонам, уткнувшись в телефон, рассматривая фото, и...

— Простите! — кто-то вылетел из-за угла, и я врезалась в него.

Чемоданчик выпал из моих рук, телефон — вслед за ним. Я подняла голову, чтобы извиниться, и замерла.

Чёрные волосы, тёмные очки, высокий рост. Знакомый, родной до дрожи силуэт.

Умрут.

Он уже открыл рот, чтобы, как в прошлый раз, выдать гневную тираду, — я видела это по напряжённым скулам. Но вдруг — пауза. Он узнал меня раньше, чем я успела прийти в себя. Опустил очки на нос, прищурился и...

— Опять! — выдохнул он. — Опять ты!

И засмеялся.

Я не ожидала смеха. Не от него. Не от того человека, который тогда, у метро, выглядел как воплощение гнева. Но он смеялся — искренне, по-мальчишески, запрокинув голову, и в этом смехе я впервые увидела его настоящим. Не тем архитектором в чёрном костюме, а кем-то живым.

— Вот так встреча! — сказал он, качая головой. — Ты специально находишь меня, чтобы врезаться?

— Я не находила! — оправдывалась я, поднимая телефон и чемодан. — Я просто... увидела Берен Саат и...

— И потеряла бдительность. — Он ухмыльнулся. — Администратор отеля сказал, что она часто гуляет здесь. Ты, наверное, знала.

— Не знала! — Я смутилась, чувствуя, как кровь приливает к щекам. — Почему ты всегда в этих очках, Умут? — выпалила я вдруг, не сдерживаясь. — Серьёзно. От кого ты прячешь свой взгляд?

Он помолчал. Снял очки. И я впервые увидела его глаза вблизи — карие, почти чёрные, с длинными ресницами, уставшие, но не злые. В них было что-то, от чего у меня перехватило дыхание.

— Я прячу его от людей, — сказал он медленно. — Потому что когда я смотрю на кого-то без них, я вижу всё. Слишком много. А люди не любят, когда их видят насквозь. — Он надел очки обратно. — Но тебя я готов попробовать разглядеть. Давно прилетела? Почему не отвечала?

Я опустила глаза. Вопрос был прямым. Без обмана.

— Это было спонтанное решение, — сказала я тихо. — Я прилетела вчера. И не отвечала, потому что... хотела проверить свою судьбу.

Он поднял бровь:

— Судьбу?

Я улыбнулась, чувствуя, как внутри всё переворачивается:

— Да. Судьбу. Хотела увидеть, будет ли у нас ещё одна встреча — без предупреждения, без плана. И вот. — Я развела руками. — Судьба сказала "да".

Он посмотрел на меня с интересом — тем самым, который невозможно подделать.

— И что говорит тебе твоя судьба?

Я молчала несколько секунд. Ветер подул с Босфора, принёс запах кофе и вечерней прохлады.

— Пока что — многозначительно улыбается, — ответила я. — Но к концу этого отпуска я расставляю все точки над i.

Умут усмехнулся, но в его глазах за очками мелькнула какая-то искра. Он хотел спросить ещё, но рядом остановилось такси — он заказывал его, когда бежал по делам.

— Тебя подвезти, дорогая Лика? — сказал он, открывая дверь.

Я покачала головой:

— Нет, спасибо. Я только приехала на эту чудесную улицу и ещё не насладились её запахом. — Я сделала глубокий вдох. — Знаешь, здесь пахнет мечтами, которые продают за деньги. И круассанами. И немного — чьей-то несбывшейся любовью.

Умут усмехнулся.

— Ты всегда так поэтично говоришь о запахах?

— Только о запахе Стамбула.

Он уже садился в такси, но задержался на секунду. Посмотрел на меня через опущенное стекло.

— Мы увидимся, Лика?

Я улыбнулась в ответ. Ни "да", ни "нет". Просто улыбнулась и подняла руку, прощаясь.

Такси уехало. А я осталась стоять на тротуаре Нишанташи, вдыхая этот сладковатый, чуть горьковатый воздух и чувствуя, как в груди распускается что-то, чему я ещё не готова дать имя.

Голос Стамбула шепнул, когда я уже почти дошла до перекрёстка:

— Ты сказала, что веришь в судьбу. Теперь докажи. Сделай следующий шаг.

Я не знала, какой будет следующий шаг. Но запах Нишанташи остался в моих лёгких — как обещание.

Глава 3. Кадыкей. Запах дома

Я вернулась в отель, всё ещё чувствуя на губах улыбку от встречи в Нишанташи. Внутри бурлило странное волнение — смесь эйфории от случайной встречи с актрисой и той самой дрожи, которую оставил после себя Умут. Его слова, его взгляд за тёмными очками, его смех — всё это отпечаталось где-то в глубине, под рёбрами, и не хотело уходить.

Азамат стоял за стойкой, перебирая какие-то бумаги. Увидев меня, он отложил их и расплылся в приветливой улыбке.

— Ну что, Лика? Как первый день? Нашла то, что искала?

Я подошла к стойке, оперлась локтями о мраморную поверхность. Усталость наваливалась, но внутри горел тот самый огонь, который не давал покоя.

— Нашла, Азамат. И не нашла. Как-то странно. Я встре-

тила человека, который... ну, в общем, это долгая история.

Он усмехнулся понимающе:

— В Стамбуле всегда так. Каждый день — долгая история. Идём, выпьем кофе? Я как раз сварил свежий.

Мы вышли на террасу. Ночной Султанахмет дышал прохладой. Огни Айя-Софии и Голубой мечети мерцали вдалеке, будто два гигантских светлячка. Запах жасмина из соседнего сада смешивался с ароматом горячего кофе — того самого, густого, терпкого, с лёгкой горчинкой. Я пила и слушала, как Азамат рассказывает о своей семье в Узбекистане, о том, как скучает по рисовым полям и винограду, как каждое утро включает узбекскую музыку, чтобы не забыть голоса.

— А ты, Лика? — спросил он, когда чашки опустели. — Ты вроде приехала на день рождения. Тридцать лет. Серьёзный возраст. И всё ещё одна?

Я задумалась. Иронично, что именно администратор отеля задал мне вопрос, на который я так долго искала ответ.

— Не знаю, Азамат. Может быть, я приехала, чтобы перестать быть одна. А может быть, чтобы убедиться, что одна — это нормально.

Он кивнул, не споря. Настоящие друзья не спорят — они слушают.

Мы разошлись, когда луна уже высоко поднялась над Босфором. Я поднялась в номер, включила прохладный душ и стояла под струями, пытаюсь смыть с себя дневные впечатления. Но мысли не уходили. Умут. Мехмет. Две встречи. Два

взгляда. Два пути.

Вода стекала по спине, но внутри всё горело.

Тогда я решила: включу "Великолепный век". Ну хотя бы серию. Топкапы и гарем уже побывали в моей голове, и мне хотелось понять, как это всё выглядит на экране, в движении, в красках.

Я завернулась в халат, залезла в кровать и включила планшет. Первая серия: Хюррем на корабле, её улыбка, её страх, её надежда. Я смотрела, как она входит во дворец, как смотрит на Сулеймана, и вдруг осознала: мы все ищем одного. Того, кто скажет: "Ты не просто женщина. Ты — моя судьба".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.